

УДК 943.9.086.5 + 949.8.086

А.П. САЛЬКОВ

ТРАНСИЛЬВАНИЯ В ПОПЫТКАХ ЕЕ СУВЕРЕНИЗАЦИИ И ПЛАНАХ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ СССР (30 – 40-е гг. XX в.)

Суверенная Трансильвания имела свои истоки в бурной истории средневековой Венгрии. После поражения при Мохаче в 1526 г. Венгрия не только утратила положение великой державы, но и лишилась в 1541 г. независимости. Одна Трансильвания оставалась с 1560 г. суверенным венгерским княжеством, но в ходе Долгой войны (1593 – 1606) и она была оккупирована Австрией. Однако трансильванский князь Иштван Бочкаи, возглавивший антигабсбургское движение, приобрел по Венскому миру (1606) северо-восточные районы Венгрии. Князь Габор Бетлен присоединил к Трансильвании по Никольсбургскому миру (1621) ряд новых комитатов прежней Венгрии. Порта, возобновив завоевания, в 1664 г. аннексировала ряд трансильванских земель. Австро-венгеро-польская армия разгромила в 1683 г. турок у Вены, начав освобождение Венгрии. Однако оккупация Трансильвании коалицией положила в 1699 г. конец существованию независимого княжества. Такое освобождение подчинило Габсбургам и всю королевскую Венгрию, окончательно ставшую в 1723 г. частью Австрийской империи. В ее рамках Венгрия восстановила свою «историческую территорию», включая Трансильванию, с границами, сохранившимися до конца Первой мировой войны. Трианонский мирный договор 1920 г., оставивший новой Венгрии лишь 28,6% территории и 36,5% населения «короны св. Иштвана», отдал Румынии всю Трансильванию (Ардял, Семиградье). В межвоенных условиях Версальской системы и годы Второй мировой войны она была предметом непримиримого территориального противоречия между Румынией и Венгрией, а также основным объектом венгерского «ревизионизма»¹.

После первого Венского арбитража, передавшего 2 ноября 1938 г. Венгрии южные районы Словакии и Подкарпатской Руси, начали возникать достаточно эфемерные проекты трансильванской автономии или самоопределения. Министр иностранных дел Венгрии И. Чаки на переговорах с А. Гитлером 16 января 1939 г. отметил, что со времени Мюнхена «романтическая идея экспансии во всех направлениях рассеялась». В беседе же с Министром иностранных дел И. Риббентропом предположил, что в новых условиях, может быть, лучше было бы создать самостоятельное Трансильванское государство².

По второму Венскому арбитражу 30 августа 1940 г. Румыния передала Венгрии Северную Трансильванию (Кришану и Марамуреш), владея Южной Трансильванией (Банатом и собственно Трансильванией). Очевидное недовольство СССР результатами этого решения отразилось в беседах наркома НКВД В.М. Молотова с немецким послом Ф. Шуленбургом 31 августа и 9 сентября³. Советские дипломаты и военные по горячим следам сделали важные выводы: 1) Германии стремилась создать из Румынии и Северной Трансильвании военный плацдарм «против Советского Союза и для продвижения к Черному морю»; 2) Новая обстановка грозила вооруженным столкновением с Германией, что могло «вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также, с целью реванша, Финляндию и Румынию»⁴. Даже Коминтерн, давно пребывавший на политических задворках, принял резолюцию Секретариата ИККИ «Позиция КП Румынии и КП Венгрии по вопросу Семиградья» от 5 сентября. Арбитраж именовался империалистическим диктатом,

осуществленным «без опроса заинтересованных народов», а в качестве актуальной, в духе 20-х годов, повторялась установка о праве на «самоопределение народов, подвергающихся национальному угнетению, как в отошедших к Венгрии, так и в оставшихся в Румынии частях Семиградья»⁵.

Особая роль в реализации балканских планов Германии отводилась немецкому населению региона. Кромсая Трансильванию, Берлин оставил за Румынией территории, компактно заселенные банатскими швабами и трансильванскими саксонцами – Банат (282 тыс. чел.) и район г. Брашова (175 тыс. чел.). Хотя численность немецкого землячества Румынии и сократилась с 815 до 600 тыс. чел., оно продолжало представлять «германский остров между Карпатами и Тисой». После Вены немцы в Румынии стали восприниматься не меньшинством, а «вторым после румынского народа элементом»⁶. К румынскому Банату примыкала Воеводина, где проживала основная масса из 475 тыс. немцев Югославии. Большинство немцев Венгрии (450 тыс. чел.) жило в соседних округах на правом берегу Дуная. После арбитража их количество увеличилось до 700 тыс. чел., они получили огромные права и «полное сохранение национального характера»⁷.

Ближневосточный отдел НКВД сделал в сентябре 1940 г. вывод: Берлин стремился создать непрерывный «германский коридор» с севера на юг от Австрии до Железных Ворот на среднем течении Дуная, почти достигающий дунайской границы Болгарии. Воспринималась реальной вероятностью введения в соответствующих областях Венгрии, Югославии и Румынии под давлением Германии региональной национальной автономии немецкого меньшинства «или даже провозглашения «независимости» этих населенных немцами областей (может быть, с последующим их объединением в «федерацию» или присоединением к Германии)». В декабре 1940 г. в информации советского полпредства из Будапешта упоминалось «предположение о возможном якобы создании промежуточного германского государства из территорий Южной Румынии, Южной Венгрии и Словении (?)», которое рассекало бы Европу с востока на запад⁸.

После военного разгрома Югославии в апреле 1941 г. Венгрия оккупировала Баранью, Бачку, Муракез. Возобновились венгерские слухи о разделе Румынии, был поднят вопрос о румынском и сербском Банате. Первоначально Венгрия запросила у Германии Южную Трансильванию, но затем они сошлись на Бачке и Банате. В последнем проживало 250 тыс. банатских швабов, на него претендовала и Румыния. Однако во время визита регента Венгрии М. Хорти к Гитлеру 24 апреля, к великому разочарованию венгров, выяснилось, что немцы оставляют оккупированный ими Банат себе⁹.

После этого в Будапеште пустили новый слух о румынском отказе от претензий на Банат в пользу Венгрии при условии возвращения Северной Трансильвании. Румыния развернула газетную кампанию о возврате «нашего Баната», инспирировала обращения якобы от 500 тысяч румын сербского Баната с просьбой о его присоединении к «румынскому отечеству». Германия выдвинула план создания «независимого» государства Донаулянд из югославской, венгерской и румынской частей Баната со столицей в румынском городе Темешваре, населенном мадьярами. Однако более реальным выглядел план создания автономного трансильванского государства из Южной Трансильвании и Баната со швабским управлением, напоминавший план Г. Геринга времен Венского арбитража¹⁰. Трансильванский фактор, таким образом, активно использовался в международных отношениях начального периода Второй мировой войны¹¹.

Новая расстановка сил, возникшая с началом советско-германской войны, сохранив прежние венгеро-румынские противоречия, выдвинула и дополнительные рубежи. Они были связаны с планами послевоенного устройства, исходившими

из предполагаемой победы, с одной стороны, стран «оси», с другой – антигитлеровской коалиции.

В середине 1942 г. Германия замышляла создание независимой Трансильвании под своим протекторатом, планируя дальнейшую балканизацию Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных ей государств. Венгрия в послевоенной перспективе предполагала создание под своей эгидой конфедерации, состоящей из Хорватии (полагая, что хорваты и слышать не хотят о сотрудничестве с сербами), Словакии (считая, что словаки не могут жить вместе с чехами) и Трансильвании (предлагая сделать ее независимой). Последнее было в высшей степени характерно. Венгрия, будучи не удовлетворенной лишь Северной Трансильванией, понимала невозможность получения Южной Трансильвании простым изменением границ Румынии. Поэтому и планировалось превращении всей Трансильвании в «независимое» государство, которое в провенгерской конфедерации станет вассалом Венгрии¹². В меморандуме Партии мелких сельских хозяев для Премьер-министра М. Каллаи в августе 1943 г. предлагалось предоставить широкую автономию Трансильвании и Карпатской Украине¹³.

Судьба обеих частей Трансильвании не была определенной, так как для СССР и Румынии, и Венгрия были враждебными государствами. Отношение союзников к трансильванской проблеме первоначально публично не высказывалось. Однако Комиссия Литвинова была знакома с неопубликованной запиской Службы иностранных исследований и прессы при Баллиол колледже в Оксфорде от 27 декабря 1942 г., в которой рассматривались все мыслимые способы разрешения проблемы. Явное предпочтение в ней отдавалось созданию Трансильванского государства, но лишь в качестве члена Дунайского союза наряду с Венгрией и Румынией. В США буквально носились с идеями Центрально-Европейской и Дунайской федераций, как панацеей от всех бед¹⁴.

В справке о Трансильвании от 5 июня 1944 г. и в стенограмме заседания Комиссии Литвинова от 8 июня выявились четыре возможных решения проблемы. 1) Оставить, по словам М.М. Литвинова, «нынешнее положение (до тех пор, пока мы не придумаем лучшего)»; 2) Передать Трансильванию Венгрии, что Литвинов почти исключал, «но не совсем», допуская как отдаленную возможность; 3) Передать Трансильванию Румынии взамен прочной гарантии («базы и контроль», так как в политических отношениях «благодарность быстро испаряется») длительного сотрудничества с СССР, а также ее полного отказа от претензий на Бессарабию и Буковину; 4) Создать независимое Трансильванское государство, которое имея территорию в 100 тыс. кв. км и более 5 млн чел. населения, было бы крупнее многих европейских стран. Этот вариант был актуален «хотя бы лишь временно, впредь до выяснения возможности искреннего сотрудничества с нами Румынии или Венгрии», но мог при советском сюзеренитете «остаться на длительное время». Вместе с тем, такое государство не смогло бы существовать без покровительства СССР, имея с ним общую границу. Контроль над ним позволил бы Москве усилить давление на Венгрию и Румынию, а также укрепить влияние на балканские государства, в частности на Югославию, граничащую с Банатом. Члена комиссии Я.З. Сурица подкупал вариант отдельного государства, но он сомневался, нужно ли в послевоенной Европе «встать на путь ее парцелляции и балканизации». При этом он развил вполне интересные мысли о случаях, когда балканизация (создание мелких самостоятельных государств) оправдана: для ослабления мощного врага путем выделения из него части территории; предоставления права на государственное существование нации, входившей в состав другого государства в качестве чужеродного и угнетенного меньшинства. Однако Суриц счел, что Трансильванию не населяет какая-то отдельная нация, и край не имел государ-

ственности в прошлом. Радикально настроенный член комиссии С.А. Лозовский, напротив, считал, что «парцелляция в Европе нам не вредна. Чем больше мыотрежем от вражеских стран территорий, тем лучше». Недоумевая, нужно ли усиливать Румынию из-за того, что в Трансильвании 3 млн румын и усиливать Венгрию потому, что в крае 1,5-2 млн венгров, он предлагал создать Трансильванское государство. Венгрия и Румыния, будучи врагами, «не должны иметь силы оправиться. Правда, несколько сот тысяч румын мы перебили в этой войне, но, очевидно, это недостаточно. Не всех немцев перебили и не всех венгров». Лозовский вообще воспринимал проблему как классовую, а не национально-территориальную¹⁵.

Член комиссии Б.Е. Штейн также считал независимую Трансильванию лучшим вариантом. Он сравнил полученные Гитлером в Вене «рычаги одновременного воздействия на обе страны» с возможностью «одновременного давления, как на Румынию, так и на Венгрию», обретаемую СССР, при данном варианте. Штейн подметил в Трансильвании не только чересполосицу расселения румын и мадьяр, но и явление, при котором имелись румыны, говорящие по-венгерски, и венгры, говорящие по-румынски. (Мы оцениваем это явление как этнолингвистическую диффузию, встречавшуюся в полиэтнических зонах среди представителей даже не родственных языковых групп – в литовско-белорусской Виленщине, немецко-литовском Мемеле, итальяно-словенской Каринтии). Член комиссии Д.З. Мануильский высказался, что в интересах СССР «абсолютно целесообразно создать самостоятельную Трансильванию». Литвинов, подводя итоги, также склонялся к четвертому варианту, хотя безусловного решения не было выработано. Он заметил, что с точки зрения «наших старых установок, мы должны были бы идти к укрупнению государств, но в нынешней международной борьбе мы не можем руководствоваться абстрактными принципами и нашими желаниями, а должны учитывать реальность». (Такая установка отразила общую советскую тенденцию к отходу от идейно-классовых критериев в пользу национально-государственных интересов). Реальность же была такова, что «в ближайшее время нам выгодно иметь некоторые буржуазные государства раздробленными». Литвинов считал, что зависимость Румынии от СССР будет еще большей, если Трансильвания станет самостоятельной, а «от нас будет зависеть в дальнейшем передача ее Румынии». В будущем Литвинов не исключал создания федерации Венгрии, Румынии и Трансильвании, что «несомненно, расстроит польский план федерации «от моря до моря». Однако члены комиссии настояли на том, чтобы не упоминать о федерации вообще, и соответствующий абзац был исключен из справки. Вместе с тем, еще два варианта урегулирования, которые вскоре начали обсуждаться, – присоединение Трансильвании к СССР и ее частичный раздел по этническому признаку, – в документах комиссии не были даже упомянуты¹⁶.

Дискуссия по Трансильвании, неоднократно затрагивавшая этническую и историческую аргументацию в румыно-венгерском споре, выявила приоритетность, повлиявшую на решение всех территориальных конфликтов с советской заинтересованностью. Предпочтение неизменно отдавалось этническим аргументам, причем оно отличалось субъективностью и всегда связывалось с проблемой советско-польской границы. В справке было прямо записано: «Учитывая, что свои притязания на Западную Украину и Западную Белоруссию Польша обосновывает исторической аргументацией, нам вообще целесообразнее при разрешении всяческих территориальных проблем предпочитать этническую аргументацию исторической». Этому вторил Суриц: «в наших интересах... всегда отдавать приоритет этническому фактору над историческим, имея ввиду наш спор с Польшей». Полное уничтожение исторических аргументов продемонстрировал Лозовский: «Мало

ли что было. Дело идет о реальных вещах, а не об исторических воспоминаниях. Пусть этим занимаются польские эмигранты». Правда, предусмотрительный Литвинов предупреждал: «Тут мы не должны слишком увлекаться, помня, что будут случаи, когда придется нам выдвигать аргументы от истории, как, например, в нашем предложении о передаче Польше Восточной Пруссии и Верхней Силезии». Фраза Литвинова о трансильванском урегулировании, оброненная вскользь, — «конечно, вопрос будет решаться не на основе тех или иных аргументов», не являлась случайной¹⁷.

Сроки выхода Румынии и Венгрии из войны на стороне «оси» играли решающую роль в территориальном споре. Румыния уже 24 августа 1944 г. объявила войну Германии, а 12 сентября заключила перемирие с антигитлеровской коалицией, ст. 19 которого предусматривала, чтобы «Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии»¹⁸. В Венгрии правительство в Дебрецене на освобожденной части страны объявило войну Германии 28 декабря и заключило перемирие только 20 января 1945 г., хотя войска «фюрера нации» Ф. Салаша сопротивлялись до апреля.

В начале декабря 1944 г. в Политуправление 2-го Украинского фронта явился секретарь Клужского (административный центр Северной Трансильвании) обкома КП Румынии Н. Гольдбергер с предложением организовать Комиссариат по делам Северной Трансильвании, «в противном случае эти 11 уездов будут управляться сами собой». 30 декабря 1944 г. он направил в ЦК КПР доклад Клужского обкома, в котором отметил три тенденции в настроении населения: постоянные слухи о том, что «румынские власти возвращаются и наведут снова порядок»; после создания демократического правительства в Венгрии Северная Трансильвания «должна быть под управлением этого правительства»; и венгры, и румыны «хотят независимую Трансильванию, которая, имея общую границу с Советским Союзом, включилась бы в Советский Союз». Гибельное финансовое положение привело даже к экономическому сепаратизму, когда уезды Одорхей и Муреш «герметично закрыли свои границы» не только от Румынии, но и от остальных северо-трансильванских уездов¹⁹.

В этой обстановке стала проявилась тенденция к вхождению края в состав СССР. Особая ситуация сложилась в уезде Марамуреш. Этот район вдоль рек Вышова и Русскова, входивший еще в состав Червоной Руси, даже венгерской статистикой с конца XVIII в. признавался русским (около 180 тыс. карпаторусов). Чехословакия, получившая по Трианонскому мирному договору с Венгрией 1920 г. всю Подкарпатскую Русь (Закарпатскую Украину), добровольно уступила ее часть — Мармореш-Сигот Румынии, так как та поддержала Прагу в ее конфликте с Польшей в Тешенской Силезии²⁰.

В Марамуреше имелось украинское население (по уезду — 18%, по уездному центру г. Сигету — 10%). В феврале 1945 г. в Сигет прибыл уполномоченный Народной Рады Закарпатской Украины (фактически присоединена к УССР в ноябре 1944 г.). Он начал подготовку съезда народных представителей для принятия решения о присоединении уезда к советскому Закарпатыю. Состоявшийся 4 февраля съезд принял манифест о присоединении, были созданы местные органы власти — народные комитеты, руководство которыми осуществлялось из Ужгорода. Все события были санкционированы ЦК КП Украины и Политуправлением 4-го Украинского фронта. Член Военного Совета фронта Л.З. Мехлис информировал Москву и Киев, получил одобрение Н.С. Хрущева. С конца февраля в округе Марамуреш, где по оценке Гольдбергера царил «самый сильный румынский шовинизм», начали распространяться провокационные слухи о решении окружного народного комитета закрыть румынские гимназии и школы, а вместо них открыть только укра-

инские. По деревням открыто шли разговоры о подготовке к восстанию. 4 марта к представителю Союзной Контрольной Комиссии (СКК) явилась румынская делегация за разрешением мирной демонстрации с целью «свергнуть Одевийчука (председателя Народного окружного комитета) и поставить своих людей». В демонстрации было отказано, а на совещании у коменданта Сигета (с участием замминистра госбезопасности Закарпатской Украины) было принято решение о запрете въезда в город, где утром открывался традиционный базар. Однако с утра со всех окрестностей началось движение к Сигету около 2,5 тыс. подвод и сотен пеших людей. Вместе с городским населением должно было собраться свыше 15 тыс. «демонстрантов». Как отмечалось в донесении армейских властей, попытка вооруженного восстания в г. Сигете и уезде Марамуреш с целью «свержения народных комитетов и установления румынской националистической диктатуры» была сорвана, а местные закарпатские власти с помощью советских частей «приняли меры по наведению порядка в округе»²¹.

Эти события проходили при советской военной администрации в Северной Трансильвании, где положение оставалось сложным. Самой крупной организацией Национально-демократического фронта (НДФ) Румынии здесь был Народный венгерский союз, который лишь в феврале 1945 г. отказался от лозунга «Независимость Северной Трансильвании», а в случае невозможности его реализации – от лозунга «Присоединение Северной Трансильвании к СССР». Наследник Коминтерна – Отдел международной информации ЦК ВКП(б) в письме лидеру компартии Венгрии М. Ракоши запрашивал сведения об отношении населения и политиков к трансильванскому вопросу²².

После возврата Северной Трансильвании Румынии (7 марта 1945 г.) в Сигет в конце марта прибыл Н. Гольдбергер для установления румынской власти. Его переговоры в Ужгороде и Сигете с Народной Радой Закарпатской Украины не дала результатов, поскольку та рассматривала уезд как часть Закарпатья. Гольдбергер вызвал на помощь члена руководства КПР В. Луку, переговоры которого о введении румынской администрации на основе реконструкции существовавших украинских органов власти также не увенчались успехом. После этого В. Лука организовал уездный совет НДФ, который 9 апреля и создал местные органы власти. Это означало установление румынской администрации, прошедшее без каких-либо эксцессов. Украинские работники уехали в Ужгород, а в 10 селах с чисто украинским населением еще некоторое время существовала власть народных комитетов, которые румыны обещали сохранить. Причем, в телефонограмме из Ужгорода в Москву от 16 апреля делался вывод, что румынская администрация была создана «на здоровой демократической основе». Местный совет НДФ с готовностью согласился с предложением советских инстанций предоставить украинцам несколько должностей в местных органах власти. Румыния понимала наличие «украинской проблемы». В письме министра иностранных дел Румынии Г. Татареску советскому послу в Бухаресте С.И. Кавтарадзе от 31 августа 1945 г. в числе самых важных вопросов, выносимых на обсуждение в ходе готовившегося румынского правительственного визита в Москву, значилось: «возможный обмен населения – румын из Подкарпатской Украины и украинцев из Марамуреша»²³.

По другому сценарию развивались события в северотрансильванском уезде Салард губернии Орадеа-Маре. Его жители направили советскому военному коменданту Бухареста письмо для пересылки на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско (апрель – июнь 1945 г.). В письме выдвигалось требование самоопределения для Трансильвании высказывалось пожелание о ее присоединении к СССР. Аргументировалось это тем, что Трансильвания «уже была однажды самостоятельным цветущим государством (1560 – 1710 гг.)», наличием много-

национального трансильванского народа и особой исторической судьбой края. В межвоенный период Румыния относилась к Трансильвании как к колонии, в 1940 – 1944 г. шла ее мадьяризация, а с марта 1945 г. – румынизация, в ходе которой дискриминировались и трансильванские румыны. В письме делался вывод: «мы не желаем относиться ни к румынскому, ни к венгерскому государству, так как к какому государству мы ни присоединились бы, покой трансильванским народам не будет обеспечен» и предлагалось присоединение Трансильвании «как государства к Советскому Союзу». Если за событиями в Марамуреше стояла вероятность присоединения к СССР лишь части Северной Трансильвании, то в настоящем письме речь шла о всей Трансильвании – и Северной и Южной²⁴.

Планы конца 30 – начала 40-х гг. по частичной или полной суверенизации Трансильвании были лишь разменной монетой в борьбе за господство в Карпато-Дунайском бассейне. СССР в 1944 – 1945 г. добился принятия комплекса решений по Трансильвании, обеспечивавших его геополитические интересы и идеологические запросы. Советские представления о послевоенном устройстве были глобально сформулированы в записке посла в Лондоне И.М. Майского от 10 января 1944 г., в которой Румынию предполагалось превратить в «важный фактор нашей обороны». При этом декларировалось, что «СССР не заинтересован в создании сильной Венгрии», которую следует сохранить, но «по возможности сузить ее территорию». Эту позицию Сталин подтвердил год спустя, когда на переговорах с югославской делегацией 9 января 1945 г. многозначительно обронил, что Венгрии ему не жаль²⁵. Все позднейшие венгерские предложения по Трансильвании, даже самые минимальные и разумные, были отклонены, и край целиком отошел к Румынии. В содержание этих решений и технологию их реализации не вписывалась советская трансильванская интрига с нелепой конфигурацией на карте. Отказавшись от большего (значительная часть Восточной Пруссии, Белосточчина), Москва пренебрегла и меньшим, начиная формирование советского блока в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 22. П. 111. Д. 1. Л. 30, 38.
2. Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. – М., 1962. Док. 83. С. 154; *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. – М., 2003. – С. 335.
3. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 1: 1 января – 31 декабря 1940. – М., 1995. Док. 348. – С. 546-547; Док. 367. – С. 583-584.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: В 6 т. Т. 1: Накануне. Кн. 1: (ноябрь 1938 – декабрь 1940). М., 1995. Док. 128. С. 253; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000. (Далее – Трансильванский вопрос). Док. 27. С. 93; Док. 28. С. 97.
5. Коминтерн и вторая мировая война. Документы: В 2 ч. Ч. I: до 22 июня 1941 г. – М., 1994. Док. 119. – С. 426-427.
6. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 400-402; Трансильванский вопрос. Док. 28. С. 97; Органы государственной безопасности СССР. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. Док. 106. С. 220; Док. 114. – С. 233-234.
7. Венгрия и Вторая мировая война. Секретные дипломатические документы. Док. 122. – С. 210-212; Трансильванский вопрос. Док. 24. – С. 80; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. – С. 403-406.
8. Трансильванский вопрос. Док. 28. – С. 97-98; Док. 35. – С. 122.
9. Там же. Док. 42. – С. 146, 149; Док. 43. – С. 154; Док. 44. – С. 161; Док. 47. – С. 167.
10. АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 14-15; Трансильванский вопрос. Док. 43. – С. 154; Док. 44. – С. 161-162.

11. Подробней см.: *Сальков А.П.* Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939 – 1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. – М., 2003. – С. 279-319; *Его же.* Территориальные противоречия в Карпато-Дунайском бассейне в период Венских арбитражей и позиция СССР (ноябрь 1938 г. – август 1940 г.) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2003. – № 3. – С. 3-11; *Его же.* СССР и второй Венский арбитраж: дипломатические оценки результатов и последствий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 60-66.
12. Трансильванский вопрос. Док. 47. – С. 172-173; Док. 49. – С. 192-193.
13. *Лушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. – М., 1966. – С. 349.
14. Венгеро-американские отношения 1918 – 1960. – Будапешт, 1961. – С. 26-32; Трансильванский вопрос. Док. 55. – С. 233-234.
15. Трансильванский вопрос. Док. 55. – С. 235-237; Док. 56. – С. 238-241, 243.
16. Там же. Док. 56. – С. 242-244.
17. Там же. Док. 55. – С. 237; Док. 56. – С. 238, 240, 242, 244.
18. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944 – 1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). – М., 2000. Раздел «Румыния». Док. 39. – С. 46.
19. Трансильванский вопрос. Док. 66. – С. 266-267; Док. 68. – С. 270-271, 274.
20. АВР РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 45. Д. 33 Л. 73-74.
21. Трансильванский вопрос. Док. 68. – С. 271; Док. 77. – С. 302-306; Док. 78. – С. 307, 309.
22. Советский фактор в Восточной Европе. 1944 – 1953 гг. Документы: В 2 т. Т. 1: 1944 – 1948 гг. – М., 1999. Док. 48. – С. 178; Трансильванский вопрос. Док. 76. – С. 301.
23. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944 – 1946 гг.). Документы российских архивов. – М., 1998. Док. 71. – С. 162; Трансильванский вопрос. Док. 78. – С. 308-309.
24. Трансильванский вопрос. Док. 81. – С. 312-316.
25. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949. Документы из АВР РФ. В 4 т. Т. I: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – М., 1996. Док. 79. – С. 342; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944 – 1953 гг.: В 2 т. – Т. 1: 1944 – 1948 гг. – М.-Новосибирск, 1997. Док. 37. – С. 126.

SUMMARY

The plans of Transylvanian's sovereignty or its joining the USSR are analyzed as a complex for the first time in the article. The objectives, principles and methods of territorial redivision in the Danube basin and the Carpathians have been observed. Transylvanian problem as the essential constant aspect of the Soviet policy in the region and the USSR relations with Axis countries and Antyhittler coalitionists are also examined.